

— Дедушка, ты такой смешной!
— Ну почему же смешной?
— Потому что смешной — и все! —
грустно вздохнула маленькая Ника, обнимая своего знаменитого деда Романа Карцева...
Детская логика не всегда доступна взрослым. О чем думала мудрая Ника, грустно вынося деду такой диагноз?
...Мы сидим в офисе "смешного деда", и я пытаюсь разобраться:

— Так это приобретенный или врожденный "диагноз"? У нас "смешными", то есть юмористами, становятся или рождаются?

— От такой жизни, как наша, можно стать либо юмористом, либо преступником. Выбор, конечно, не очень, но все-таки. Но все-таки... В принципе, мне кажется, люди в нашей стране уже рождаются юмористами. Генофонд, банк генов сложился. Хотя, конечно, юмористы можно развивать и впоследствии. Так сказать, жизнь заставляет, обстоятельства. Например, в зависимости от того, на ком ты женишься. Можно привить жене чувство юмора, постепенно. Постепенно... В семье кто-то должен быть с юмором. Правда, в нашей семье все с юмором. Даже Ника — с приколами. Видимо, в меня пошла.

Я с детства был почему-то смешным. Вот и сейчас прохожие на улице, увидев меня, улыбаются. Хотя ничего смешного во мне нет: ни в лице, ни в поведении. Я вроде нормальный человек, но, видимо, что-то есть. Как лет с пяти началось, так и пошло-поехало-поскакало. И состоялось. Несмотря на то, что после школы шесть лет работал на производстве и раз шесть-семь пытался поступать во все существующие театральные институты и цирковое училище. Меня нигде не брали, и это уже стало смешно.

Вообще шесть лет попыток меня кое-чему научили. Наверное, поэтому в 1962 году Аркадий Исаакович Райкин пригласил меня, Витю Ильченко и Мишу Жванецкого к себе в театр. Мы проработали у Райкина восемь лет, и это была лучшая театральная школа. И крутой поворот судьбы. В Одессе я жил между оперным театром и так называемой Канавой (она славилась бандитскими малинами). Наш дом стоял как раз посередине. Словом, шаг — влево, шаг — вправо... Я должен был стать либо бандитом, либо, в крайнем случае, оперным певцом. Но искусство перетянуло, и теперь меня везде за своего принимают.

— Как можно охарактеризовать ваш сценический образ? Соответствует ли он вашему характеру, настроению?

— Если бы я себя охарактеризовывал бы, то я, скорее, актер трагикомический. Мы с Витей Ильченко сыграли восемьсот вещей и десять полнометражных спектаклей Жванецкого. Там было все: комедия, трагедия, фарс, лирика... Считаю себя драматическими артистами, всегда работали по принципу драматического театра. Тем более что нас приняли-таки в ГИТИС, правда, на заочное отделение — и нам удалось его закончить. Создавая спектакль, я вкладываю в него свое отношение к жизни, к окружающему нас миру, людям, событиям. Рассказать об этом нельзя одними черными или светлыми тонами. Поэтому я — трагикомический артист. Когда, как в жизни, — и смех, и слезы, и любовь... Это — самое сложное искусство.

По характеру же я — Телец. Думаю, неплохая разнородность. Если кто-то не согласен — пусть. И настроение мое, тельцовское, от многого зависит. Могу загрустить из-за погоды. Сейчас, например, перед гастролями чувствую напряжение. В общем, в последние годы на меня многое действует...

— Может, потому, что, как заметил Жванецкий, "хорошее настроение только у пуделей, а смех только у идиотов"?

— Это один из мишиных афоризмов, но все не так уж грустно: смешное, по тому же замечанию Миши, осталось. Правда, не всегда и сразу доходит. Но постепенно. Постепенно...

— Если вы — человек настроения, видимо, однообразие вас тяготит?

— Я страшно боюсь перемен. В работе мы часто шарахались от Хармса к Чехову, от Чехова к Жванецкому... В творчестве я люблю импровизацию, разнообразие, в жизни — нет. Я не люблю переезжать, например, на новую квартиру, менять мебель, обстановку, машину. Дело тут, видимо, в каком-то внутреннем состоянии, потому что когда ты, скажем, меняешь квартиру или машину, ты сам как-то должен меняться под это новое. А я сейчас консервативен. Вот на базар ходить очень люблю. Базар — это мне нравится, это жизнь, характеры, персонажи: все мне знакомое, родное... Приходишь на базар, тебя встречают, обступают, начинают что-то предлагать, разговоры заводятся. В Москве хожу на Черемушкинский рынок, меня здесь все знают, особенно торговцы рыбой и раками. Некоторые сразу вареные раки несут. Многие денег не берут. Ну, вот это — живое дело, базар. Недавно остановился возле клетки с арбузами, подходит ко мне молодая корейка, вслед еще мужики набежали. Я им автограф, а они мне арбуз прикатили, килограммов на пятнадцать, не меньше. Это всегда приятно, потому что от души. И отказываться нельзя. Надо принимать как оно есть...

Роман КАРЦЕВ:

Я ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ИЛИ БАНДИТОМ, ИЛИ ОПЕРНЫМ ПЕВЦОМ



меня самая любимая женщина — внучка Ника, необыкновенное существо, с которым не хочется расставаться ни на минуту.

— Вы — идеальный муж?

— Ну какой я идеальный муж?! У меня жуткий, хотя и покладистый, характер. Я обидчив, капризен. Но в семье кто-то должен уступать, сильнее любить. У нас чаще уступает жена.

Видимо, любит — если терпит меня. Хотя так и должно быть: если бы жена была строптивая, у нас ничего бы не получилось.

— Значит, вы в семье — хозяин?

— Нет, я — сочувствующий.

— Как вы относитесь к женским слабостям?

— Если это просто слабости — хорошо, нормально к ним отношусь: купить там какую-то побрякушку, платье, туфельки, необыкновенное блюдо приготовить к приходу мужа. Кстати, жена потрясающе готовит — об этом легенды по Москве ходят. Бывают, конечно, какие-то другие женские капризы, когда покапризничала — и договорились. Но договориться не всегда удается: я был против, когда жена пошла работать, не хотел. А она вот устроилась администратором в гостинице института усовершенствования врачей. Каприз, с которым мне пришлось смириться: я понял, что ей тоже нужно общение... Правда, для общения она выбрала "сложный контингент". Публика врачевная, но пьют эти врачи, как биндюжники, даже сильнее...

— А у вас что, душа не принимает?

— Почему же, люблю хороший коньяк. К алкоголю отношусь хорошо, как и Миша, — большой пропагандист "много, но в малых дозах". Но не так же, как эти биндюжники из гостиницы...

— В чем, на ваш взгляд, прелесть женской логики? Вы допускаете интеллект у женщины?

— Женская логика укладывает меня на лопатки — в этом ее прелесть. Ну кто ее поймет, если и Чехову не удалось? Нет, как Россию, так и женщину, умом не понять. Хотя временами и женщина бывает логична. Временами... Редко... Реже мужчин... Порой бьешься головой о стенку, доказывая что-то, думаешь, доказал ей. Она говорит: "Да". Соглашается... чтобы поступить с точностью до наоборот... Ну и слава Богу! Потому что логично жить неинтересно. Должна быть непредсказуемость — и у женщин, и даже у мужчин. И ум, и интеллект, конечно, я допускаю у женщин. Но не до конца и не чересчур...

Интервью вела Майя МАМЕДОВА.

P.S.

Писать о Карцеве — предприятие безнадежное. Карцев — великий рассказчик. Бумага не выдерживает — его надо слушать. "За кадром" ли, между строк ли, на кончике пера остается интонация. У него что ни слово, то — интонация, подтекст. И — глаза. Удивительные глаза, которые постоянно меняются... оставаясь чуть грустными.

Карцев похож на героев Чаплина, Чехова, Хармса. Он похож на себя. Смешно говорит о грустном и грустно о смешном.

Карцев добр и простодушен. В день нашей встречи какой-то прохожий на улице продал ему коробку с предполагаемым в ней радиоприемником и каким-то тараканомором в нагрузку.

Он обожает свою внучку Нику, которая, не шелохнувшись, может смотреть спектакль деда и аплодировать громче всех. Потому что "дед — смешной". И еще он искренне удивляется, почему жена не отращивает длинные, красивые ногти заморским средством, флакончик которого забросила в холодильник.

Карцев очень разный. Он — одессит...